

Тетущка Ли осторожно помогла ему подняться, подложив под спину подушку:

— Мне нужно уточнить у медсестры, можно ли тебе есть. Ты все еще принимаешь лекарства, нельзя, чтобы пища помешала их действию.

— Хорошо, — Ци Цзиншэн закрыл глаза.

Резкий подъем вызвал сильное головокружение. Пока у Ци Цзиньяна не обнаружат генетический дефект, Ань Хуэй не станет предпринимать никаких действий, так что сейчас он в безопасности.

Хотя и обещали, что госпожа скоро придет, Ань Хуэй появилась только после того, как Ци Цзиншэн медленно позавтракал. Она вошла в сопровождении экономки и нескольких служанок.

На лице Ци Цзиншэна еще оставались синяки, голова была перевязана бинтами. Он сидел на кровати, выглядя болезненно, прищурился и кивнул, делая вид, что хочет поклониться. Только открыл рот, чтобы произнести «мать», как его начало мутить.

Ань Хуэй невольно отступила на полшага, сжав губы. Морщины вокруг рта казались вырезанными ножом:

— Разве не говорили, что тебе стало лучше?

Ци Цзиншэн прищурился, но видел все ясно. Вот она, разница между родным и приемным ребенком. Если бы это был ее собственный сын, она бы бросилась к нему с заботой, не так ли?

Тетущка Ли поспешила поднести стакан с лимонной водой:

— Ему действительно лучше. Несколько дней назад он даже сидеть не мог.

Брови Ань Хуэй оставались нахмуренными, но выражение лица смягчилось. Ей уже почти пятьдесят, и она только что родила младшего сына. После долгого и изнурительного послеродового периода она выглядела значительно старше, но настроение было хорошим. Ци Цзиншэн, которого она растила более десяти лет, еще не вызывал у нее зависти или недовольства. Услышав слова тетущки Ли, она смягчила голос:

— Хорошо, отдыхай. Я велю кухне узнать у врача, есть ли подходящие лечебные блюда. Я не буду тебя больше беспокоить.

Ци Цзиншэн слышал, как она спрашивала дежурную медсестру за дверью, голоса постепенно затихли. Тетущка Ли вошла, помогла ему лечь, и он снова погрузился в сон.

Когда он открыл глаза, уже вечерело. Свет проникал через ширму снаружи, и он увидел тетущку Ли, сидящую на низкой скамейке и читающую книгу.

Ци Цзиншэн не хотел двигаться, медленно перевернулся на бок и закрыл глаза, обдумывая свои мысли. В прошлой жизни он дожил до тридцати с небольшим лет, считая себя человеком прямого и честного пути, идущим к великой цели. Но в один момент все рухнуло, и он погиб.

Тогда он испытывал негодование и ненависть, но из-за своего прямолинейного характера в глубине души чувствовал, что должен принять поражение.

Нельзя сказать, что он совсем не замечал странностей, но он не мог представить, насколько

злой может быть человеческая натура. «Дерево хочет покоя, но ветер не утихает». Он думал, что не хочет бороться и соперничать, но никто ему не верил!

Он был настолько глуп, что считал, что Сяохань уже в безопасности, и у него не осталось никаких привязанностей в этом мире, кроме выполнения обязанностей старшего сына семьи Ци.

Поэтому, когда его загнали в перегруженный радиацией шахтный туннель, где он погиб, он думал, что у него нет сожалений.

Но почему-то после смерти он не исчез в небытии, а оказался рядом с Сяоханем.

Самая опасная крепость, самые суровые условия, покрытый ранами человек — это совсем не то место, которое он для него приготовил. Это совсем не та спокойная и счастливая жизнь, которую он хотел ему обеспечить.

А потом, когда Сяохань узнал из новостей о его смерти, он начал планировать побег и месть. Ци Цзиншэн закрыл глаза, прикрывая внезапно заболевшую голову, не желая вспоминать.

Тетушка Ли услышала шорох за ширмой, отложила книгу и вошла в комнату, включив мягкий свет настольной лампы. Увидев, что он держится за голову, она поспешила подойти:

— Голова все еще болит? Позвать врача?

— Не нужно, — остановил он ее.

Он уже все понял. В прошлой жизни он не был глупцом, но погиб из-за излишней доверчивости. Теперь, вернувшись на несколько лет назад, он, вероятно, так и не научится этим коварным уловкам. Но это не значит, что он должен отвечать на заговоры и интриги тем же.

Сила может победить хитрость, и результат будет тем же.

В будущем он, вероятно, не будет долго оставаться в усадьбе Шэньюань семьи Ци, так что пока лучше не привлекать к себе лишнего внимания.

Тетушка Ли пошла приготовить ему витаминный напиток, немного сомневаясь:

— Все же нужно сообщить госпоже.

— Мать занята заботой о брате, не стоит ее беспокоить, — Ци Цзиншэн медленно пил через соломинку, поданную тетушкой Ли. Его выражение лица в полумраке казалось ей немного чужим.

Выпив воду, он сел полулежа и попросил тетушку Ли открыть окно.

С трех лет, когда он начал учиться и переехал из Зала Чуньцзай в Павильон Чэнсинь, расположенный всего в нескольких шагах, Ань Хуэй ни разу не заглянула к нему, кроме случаев, когда в усадьбе происходили важные события.

Тетушка Ли всегда заботилась о нем, и он не чувствовал, что чего-то не хватает, не замечал, что в вопросах, которые Ань Хуэй задавала каждое утро и вечер, чего-то не хватало.

У дяди Ци Минжуна из Зала Ланьсюэ тоже было два сына. И двоюродные братья, и младшие

братья переехали из материнских покоев только в подростковом возрасте, и каждый уголок их отдельных дворов был лично осмотрен их матерью.

Сравнивая, он видел, что все было не так. Ци Цзиншэн медленно дышал в осеннем вечернем воздухе. Думать об этом было только больно. Хотя он не понимал, почему вернулся в семнадцать лет, и даже немного сомневался, не был ли это долгий сон.

Но даже если это сон, он должен что-то сделать, хотя бы для собственного успокоения.

— Тетушка Ли, что случилось утром? — Ци Цзиншэн остановил ее, когда она собиралась пойти за медсестрой.

Тетушка Ли остановилась, немного смутившись:

— Молодой господин, отдохните спокойно. Разберитесь с этими делами, когда поправитесь.

Ци Цзиншэн слегка повернул голову, глядя ей прямо в глаза:

— Я слышал. Просто скажи мне, что выяснили.

Какая связь между наказанием слуг и захватом проекта у дяди?

Тетушка Ли напряглась под его проницательным взглядом, почувствовав, что ребенок, которого она воспитывала с пеленок, стал немного другим.

Ее семья работала на семью Ци уже четыре поколения, начиная с прадеда. Хотя времена, когда подписывали договоры о продаже в рабство, давно прошли, различие между знатными семьями и простолюдинами все еще существовало. Люди, которые поколениями работали на одну семью, были преданы ей иначе, чем те, кто нанимался на короткий срок.

Не выдержав его взгляда, тетушка Ли кратко объяснила:

— Утром медсестра заметила, что в принесенном лекарстве плавает что-то лишнее. Неизвестно, то ли на кухне, то ли в аптеке перепутали рецепт. Госпожа уже разобралась с этим.

Как управляющая внутренними делами, она знала не так много. Ци Цзиншэн махнул рукой:

— Понятно. Можешь идти.

Лучше поверить, что это было. Дядя уже хочет его смерти?! Или не только сейчас, а раньше, когда он был ребенком, было проще? То ли не пытались, то ли не получилось?

В Зале Чуньцзай уже включили отопление, за стеклянными дверями висели плотные хлопковые занавески. Ань Хуэй проводила последнего гостя, сняла кольца и браслеты, вымыла руки и лицо и пошла проверить Ци Цзиньяна в спальне.

Няня и медсестра, которые не отрывали глаз от кровати, отошли на несколько шагов, чтобы смениться на обед. Лю Я взяла у служанки термос с молоком и водой и вошла внутрь.

Ань Хуэй сама проверила температуру и начала кормить Ци Цзиньяна, глядя, как он с удовольствием ест, она невольно улыбнулась. Закончив кормление и переходя на воду, она

небрежно спросила:

— Что выяснили?

— Это люди второго господина, — Лю Я ответила кратко.

Любой, у кого были глаза, видел, что Ань Хуэй была вынуждена усыновить наследника. За все эти годы она относилась к Ци Цзиншэну прохладно, давая ему все необходимое, но далеко не как к родному сыну.

Тем более, она никогда не оставляла надежды родить своего ребенка. Люди смеялись над тем, что она, переступив сорок, все еще пыталась поправить здоровье, но никто не ожидал, что она действительно родит.

Ци Минжун не придал значения тому, что она родила собственного сына. Младенец в пеленках — кто знает, каким он вырастет.

А Ци Цзиншэн, с детства проявивший выдающиеся способности в учебе и пробудившийся в пятнадцать лет, становился все более заметным, и старейшины клана явно его любили.

Раньше он уже пытался действовать, но Ци Минжун и Ань Хуэй не были простаками, и несколько попыток не увенчались успехом.

На этот раз он был уверен: раз появился родной сын, приемный стал помехой. Он думал, что, устранив Ци Цзиншэна, Ань Хуэй даже поблагодарит его.

Эта мысль была простой, и он даже не пытался ее скрыть. Ань Хуэй осторожно уложила Ци Цзиньяна спать и вышла в гостиную, где не смогла сдержаться и ударила по столу:

— Они что, считают меня мертвой?!

Только родив собственного сына, она бы потеряла приемного, и окружающие только посмеялись бы над ее жестокостью. Как она тогда сможет общаться в кругу знакомых?

К тому же, Ци Цзиншэн пока еще не был наследником семьи Ци. Если в будущем таланты Янья превзойдут его, кто станет главой семьи, еще неизвестно. Ей не нужно было торопиться что-то предпринимать.

<http://bllate.org/book/17699/1652337>